

НОМИНАНТЫ ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ

В. А. Бахревский

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ

СУДЬБА И ВРЕМЯ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва · 2012

УДК 244
ББК 86 372
Б 306

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС-12-214-1310

КНИГА ПЕРВАЯ

Бахревский В. А.

Б 306 Преподобный Иосиф Волоцкий. Судьба и время. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — 392 с. (Номинанты Патриаршей литературной премии)

ISBN 978-5-88017-311-2

В романе перед нами проходит весь многотрудный жизненный путь великого русского святого, защитника Церкви, высокообразованного строителя церковной культуры, незаурядная личность которого во многом определила характер эпохи. В образе преподобного Иосифа автор выделяет такие черты, как неослабная «ревность о Доме Господнем», твердость веры, ясный ум, и в то же время — напряженная внутренняя жизнь подвижника с постоянным самоукорением и видением своих грехов.

Ярким фоном являются драматические события отечественной истории XV века — как церковной, так и светской. За годы жизни преподобного Россия пережила настоящее преображение — от окраинной провинции уже клонящейся к упадку Золотой Орды до великой восточноевропейской державы. И символично, что буквально на те же самые годы приходится история развития, выявления и преодоления ереси жидовствующих, в борьбе с которой в полной мере проявились незаурядные таланты Иосифа Волоцкого.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2012
© В. А. Бахревский, текст, 2012

ISBN 978-5-88017-311-2

Земляничные горы

Вышел со двора и — на горах.

А горы всё земляничные. Ягоды у самых ног, но Ваня не кидается срывать, набирать, лакомиться. Как можно такое диво порушить?

Много ли убудет от горсти сорванных ягод? Убудет! Алые, благоуханные огоньки хвалят Господа. Всякая земляничка — творение Божие.

Горы где полого, где круто сбегают в пойму речки Локныш.

Травы уж такие зеленые, такие счастливые, словно дождались глаз твоих и вздохнули благодарно. От радости душа белая, как белый свет. Вот и солнце белое. До того белое — посмотреть на него невозможно.

А как же хорошо, как тревожно рекой пахнет! Вольный дух текучих вод сильнее земляничного.

На другом берегу реки — терема. Там соседи живут, бояре Кутузовы. У Кутузовых сын, Ванин сверстник — Борятя, а сам Ваня — дворянин Иван Санин. Иван Иванович, потому что батюшка — Иван.

— Ванечка! Ягодок покушай! — Нянька держит перед отроком пригоршню отборных, наливных...

— Сам! — Ванечка сердито хмурит брови. Нянька с мысли сбила. Не додумал важное — вот только что?

Дом, сад, церковь. Село Язвищи. Язвищи — поместье Саниных. Родовое.

Вон о чем думалось! Село и господский дом стоят на горе, а на самом-то деле на равнине.

Ваня поднимает глаза к небу. Ни облачка, ни перышка. Синева бездонная. За этой синевой, на небесной

горе, выше которой не бывает, Дом Господа. Возле Дома Господа райский сад. И возле их дома сад, яблоневоый.

Видят ли святые люди, что там, за синевою? Спросить бы у дедушки Григория, он теперь инок Герасим. Но дедушка в лесу живет, в монастыре.

— Ванечка, ягодки, ждамши тебя, истомились!

Ваня берет ягоду. Одну, но вся земляничная гора теперь в нем. Сам он — частица горы, поймы, речки, солнца, неба.

Чудо у Бога. Утвердить бы чудо и на земле. Пусть будет с ним, с Иваном Саниным, с доброй нянькой Пелагеей, с матушкой, с батюшкой, с Борятей Кутузовым.

Ваня осеняет себя крестным знаменем и ликует: крепче печати нету!

Нашествие

Стучит, стучит сердечко. Семья Саниных идет в церковь, в дом Божий. Трое маленьких на руках нянюшек, но даже малые в праздничном платье. У Бога, в доме Его, праздник во все времена.

Нынче молятся иконе Богородицы «Нерушимая стена». В сердце Вани любовь и великое изумление. В этот самый час, в этот самый миг во всех соборах, во всех церквах, да и в часовенках — сколько их на Русской-то земле! — поют едино.

— О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род, освященный храм, и раю словесный, девственная похвало, из Неяже Бог воплотился и Младенец бысть, прежде век сый Бог наш; ложесна бо Твоя престол сотвори и чрево Твое пространнее небес содела. О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе!

Ваня поет молитву, следуя за отцом, голос Ивана Григорьевича чудо как хорош, ведет за собой и певцов клироса, и всех прихожан. У матушки пение серебряное.

Придвигает к себе старшего сына, и у Вани из глаз — слезы. Его душа устремляется к алтарю. Все души в храме — крестьянские, господские, причта, нищей братии — сливаются над престолом, и теперь это одна пресветлая душа православного народа. Ваня спиной чувствует Нерушимую стену. Она то же, что крылья у ангелов.

А поутру гонец из Москвы: на коня садись, дворянин Санин! С оружием. В Суздаль поспешай. Казанская орда хана Улу-Махмета Владимирскую землю грабит.

Матушка ни слезинки не уронила. Взяла в красном углу икону Спаса, и все Санины приложились к святому образу.

— Храни, Господи, в походе и в сражениях отца детей моих, мужа моего, защитника дома и жизни.

Иван Григорьевич с двумя слугами, все верхами, с заводным боевым конем, груженным доспехами, оружием, едой, выехали за ворота, и дом радостной жизни тотчас стал домом тихого ожидания.

Матушка нищих в тот день кормила. Нищие по земле Русской из конца в конец ходят, все знают.

Ваня с нищими за столом сидел, из одного горшка щи хлебал, много чего услышал про хана Улу-Махмета.

— За грехи наслал Господь яко саранчу — орду Казанскую! — говорил крошечный, но с бородой до колен старичок, посаженный нищими во главе стола. — Саранча — осьмая казнь фараона египетского.

— За что нас казнить? — смиренным голосом, не поднимая глаз от ложки, молвила нищенка. — Я в Киеве была, в Литовской земле, в самих Карелах! Наш народ у Бога не срамнее других. Наш народ тише, а жизнь у него горше.

— За митрополита Исидора терпим! — сказал сурово маленький старичок. — Исидор-еретик продал

православную Русь папе Римскому. На красную мантию польстился. Он теперича кардинал!

— Исидор — сатанинский хвост. А народ-от при чем? Ты Христа не продавал, я не продавала. На отрока погляди! — нищенка указала на Ваню. — Экий ясный свет в его глазах... За что детей наказывать?

— За что, спрашиваешь? — осерчал старичок. — Князь Дмитрий Иванович Донской — меч и щит Московского царства — пятьдесят лет тому отошел ко Господу, и все полвека сыновья да внуки воистину великого князя смертным боем дерутся друг с другом. Города грабят, церкви жгут!

— Грех — ровесник Адаму и Еве! Молимся плохо, — сказал нищий с удивленным, радостным лицом и тоже на Ваню показал. — На них упование! На детскую молитву. Без детских молитв давно бы очоурились. Наша Русь — древняя, а до сих пор — дитя. Ты, отроче милый, помолись за нас!

Нищий встал, отер бороду, трижды поклонился Ване.

— Зачем дитя смущаешь? — насупился старичок. — Лучше расскажи, откуда он взялся, татарский Навуходоносор? Ты ведь сам был пленником казанского хана!

— А как же! — просиял лицом, глазами. — Все претерпел!.. Я у батюшки Макария, игумена обители Желтоводской, в истопниках подвизался. Послушание у меня такое было. Я дровокол не из худших!

— Ты о хане расскажи!

— Хан Улу-Махмета видел — вот как тебя. Золотых халатов не носит. А глаза у него — как две стрелы. Глянет — и ты уже раб.

— Не мудрствуй, говори, что знаешь о вороге.

— Что знаю? Орда! У ордынских царевичей жизнь переменчива. Улу-Махмет — внучок грозного Тохтамышы. Посадили его на трон, да мало ему показалось

Сарая. Пять лет бился за Узбекский улус¹, а потерял и свое царство. Изгоем скитался. Навел на татар литовские полки: его отец хан Джеляль был другом Витовта. Царство вернул, да ненадолго. Бежал в Крым, в Крыму ханствовал. Был другом турецкого султана Мурада. Да токмо власть многим влать, и в Крыму Махметку с ханской кошмы ссадили.

Ваня дышать перестал, не пропустить бы что... Сколько нищие-те знают! А радостный все веселился:

— Думаете, куда наладился ордынский царь из Крыма? Московскому князю служить. Белёв себе испрашивал. Города не трогал, в юртах жил, а для защиты построил себе замечательную ледяную крепость. Стены сплел из лозы, набил остов снегом да водою залил. Намертво прихватило ледяную твердыню. С юга и запада овраг глубокий, с востока — обрыв реки, не подступишься. А зима в тот год нагрязнула морозная. Улу-Махмет за тепло готов был верной дружбой платить, но Василию Васильевичу хан был дорог, пока в Сараях сидел. Вместо привета послал на татар Шемяку² с большим войском. Шемяка и есть Шемяка. По дороге русские села пограбил. Улу-Махмет ну никак войны не хотел. На коленях, на паперти молил русского Бога о благоволении. Обещал Шемяке накрепко: как вернет себе Сарай, в тот же день освободит Русь от дани, будет ей вечным другом.

— Да неужто? — ахнула нищенка. — Хороший, знать, человек, татарин-то!

— Улу-Махмет — слову верный. Да только князь Василий был далеко, а Шемяка позарился на золото. Был слух: хан увез ордынскую казну. А войска у хана — и трех

¹ Улус (*тюрк.* народ) — племенное объединение, поселение, административная единица у тюркских народов.

² Шемяка — двоюродный брат Василия Васильевича Дмитрий Юрьевич — в то время князь Галицкий, позже — соперник Василия Васильевича в борьбе за великокняжеский престол.

тысяч не было. Чего золотишком не поживиться? Шемяка под рукой имел сорок тысяч!

— Господи Иисусе! — пожалела хана нищенка.

— Бог правду видит! — засмеялся веселый рассказчик. — Побил хан Шемяку. Но в Белёве недолго сидел. Переждал зиму и ушел на Волгу. Казань построил. А за обиды уже через год отомстил Москве.

— Это мы помним! — сказала братия. — Хан Москву десять дней в осаде держал. Кремля не взял, но посады пожег.

— А на обратной дороге, — прозвенел колокольчиком рассказчик, — Желтоводский монастырь батюшки Макария под корень разорил! Крестьян да монахов в Казань увел!

— Чего же ты все радуешься? — изумились нищие.

Рассказчик засмеялся:

— Живой! Не съел меня татарин. А батюшку Макария хан возлюбил. Я сам видел, как они по саду гуляли. Улу-Махмет недолго держал нас в плену. Четыре сотни людей отпустил домой с батюшкой. Но слово взял: не селиться на Желтых Водах. Сказал батюшке: «Земля Нижегородская отныне — улус Аллаха! Русь велика, найди себе, старче, иное место для молитвы. Сокровенное».

— Тебя послушать, хан — золото! — старичок в сердцах хлопнул ладонью по столу.

— Велика беда казанская, — вздохнула братия, — ох велика! Татары Рязанскую землю пограбили, Мордовскую. Хан в Нижнем Новгороде теперь сидит. На Владимир глазами разбежался.

Нищие поворотились к Ване:

— Твой батюшка защитит нас от злого татарина. Молись. И мы помолимся.

Поднялись, возблагодарили Господа за хлеб, помянули добрым словом дающих: батюшку раба Божия Ивана, матушку рабу Божию Марину, всех детушек, весь род Саниных.

В скиту

Накормить нищих — дело богоугодное. Чем еще жена поможет мужу, коли муж в полку, в сражениях? Слезы лить страшно. Не приведи Господи беду наплакать!

Подхватила матушка Марина всех своих четверых ненаглядных, поехала в скит к старцу Герасиму.

В скиту церковка на дюжину молящихся, а страх перед казанским царем уж докатился и до Волока до Ламского. Из города, из сел, из деревень шли православные к монахам поискать заступничества Пречистой Матери в скиту. Будет воля Божия — укроет Милостивая Своим спасительным покровом стариков и детей и самую жизнь от злой войны.

Матушку Марину с малыми ребятами отец Герасим к певцам поставил, а после службы взял за руку Ваню и привел в лес.

— Помолись наедине! — Руки протер к небу, к вершинам елей, словно купола храмов, устремленным в небо. — Коли сердце отворено Богу, Бог придет в твое сердце. Меня, грешника, помяни. Вырастешь, поставишь храм выше этих елок. Молись — и Бог даст.

Старец ушел, а Ваня не смел поднять взор на ели. Ни единого звука в лесу. Птицы замерли, слушают, как стучит детское сердце.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — сказал слова молитвы одними губами.

Глаза поднимались по елям: ели — шатер за шатром, а в поднебесье — росток вершинки, будто перст указующий. Голову пришлось запрокинуть — высоко!

— Аминь! — крикнуло Ванино сердце.

И его услышали. Малой малости не переменялось на земле, но Ваня знал: его услышали. Попросить Господа о батюшке не успел. Да ведь и не знал, какие слова надобно сказать, но сердце уже получило ответ: батюшка скоро будет дома.

Иван Григорьевич воротился в Язвищи жив-здоров. Всем семейством стояли обедню, молились ревностно, но праздника в душах не было.

Забота и тревога сквозили во взгляде батюшки. До войны дворянину Санину не пришлось доехать, перехватили на дороге Шемякины разведчики. Князь галичский Дмитрий Юрьевич Шемяка весною приходил с войском к Мурому на помощь великому князю Василию Васильевичу. Тогда они побили орду хана Улу-Махмета. Но теперь Шемяка оставил Москву один на один с Казанью, а Василий Васильевич не успел собрать войско в Суздале. Имея всего полторы тысячи ратников, сразился с казанцами под стенами Ефимьева монастыря. Побил, погнал и — угодил в засаду.

Великий князь Московский — пленник! Шемяка несчастью Василия Васильевича радовался так, будто сам положил Москву на лопатки. Послал хану благодарение, просил не пускать внука Дмитрия Донского на волю.

— Шемякина правда — не Божова! — сокрушался Иван Григорьевич. Ваня головкой на материнских коленях лежал, кудряшки матушка ему расчесывала. — Маринушка! Уберег нас Господь! Князь Дмитрий Юрьевич меня с дьяком Дубенским хотел послать в ханскую ставку, в Курмыш. Платья достойного у меня не нашлось. Дубенского-то перехватили московские воеводы.

Матушка охнула, а у Вани перед глазами явилась ель, похожая на храм Божий.

— Шемякина затея пустая. Улу-Махмету нужна сильная Москва, о власти над всей Ордой помышляет. Ему союзник нужен. Возьмет с Василия Васильевича окуп и отпустит. Двести тысяч запрашивает.

— Двести тысяч! — ужаснулась матушка. — Москву, что ли, князь продаст? Где такую казну сыскать?

— С народа три шкуры сдерут.

— Сдерут, — согласилась матушка.

Ваня представил себе дворовых людей без кожи. Заплакал.

Получилось так, как Иван Григорьевич говорил. На Покров отпустил хан Улу-Махмет великого князя Василия Васильевича. Мало того, с князем из Орды выехали служить Москве пятьсот мурз и два царевича, сыновья Улу-Махмета — Касым да Якуб.

— Виданное ли дело?! — сердито удивлялся Иван Григорьевич. — Московские дворяне — татары!

Жемчуг малой реки

— Ванечка! Ванечка! Порадуйся! Поиграйся! Наши мужики наловили, бабы заморили.

В светлице на лавке в двух деревянных ведрах — жемчуг.

Горох русалочий.

Светят потаенно, застенчиво, этак дворовые девицы улыбаются господам. Девицы и замаривают жемчужины: во рту держат по два часа, потом на груди, чтоб человеческого тепла набрались.

— В Локныше-то совсем бедно, — вздохнула нянюшка. — А в малых лесных речушках вон сколько! За лето наловили. Красота береженная.

Ваня погрузил руки в жемчуг. Глазам ласково, рукам ласково. Наклонил голову, коснулся жемчуга щекою:

— Нянь! А кто жемчуг-от приберег?

— Господь Бог! Всё на белом свете от Бога... Девицы-красавицы тебе рубашку к Троице жемчугами разошьют. Как ангел будешь!

Ваня отпрянул от ведер:

— Нянь! Ангелы бестелесные!

— Голубчик! Ты наш ангел, домашний. Ты — дите, а дети у Бога чина ангельского.

В светлицу пришли дворовые девушки, принялись разбирать жемчуг. В одно сито — окатный, круглый,

в другое — половинчатый, в третье — уродец, туда же большие жемчужины. С голубиное яйцо попадаются! Ване — играть — отсыпали в глубокую чашку.

Брал жемчужину за жемчужиной, держал на ладони, подставлял солнечному лучу. О каждом человеке Бог ведает и о каждой жемчужине ведает.

Девицы, работая, разговоры завели. Одна сказала:

— Мне нонча деревня наша приснилась. Весь день работаешь — и во сне работала.

— Слава Богу! — порадовалась за девицу нянюшка. — Гулять во сне по деревне нехорошо, все состояние потерять можно, а работа — к прибыли, к доброму здоровью.

— А я, Господи помилуй, стыдный сон видела, — призналась Настенька, самая молодая. — У меня груди девицьи, а снились уж такие полные, аж носить было тяжело.

— Опять к добру! — истолковала сон нянюшка. — Долгая жизнь будет, а к старости так еще и богатая.

— Ну, а коли что к печали приснится, к худу, к смерти, неужто спасения нету? — спросила рукодельница Агафья, примеряя Ване рубашку.

— Бог милостив! — вздохнула нянюшка. — От всех зол наших, от всех бед лучшее лекарство — подаяние. Молитва — дойдет ли, нет? Это как молиться. А за милостыню Господь наградит.

— Верно! — обрадовалась Настенька. — Наши господа щедрые нищих обувать, одевать, кормить, потому и живут в богатстве, в согласии.

Вдруг вся светлица услышала:

— А сколько нужно подать милостыни, чтоб баскаки не ходили по нашей земле?

Ваня стоял с пригоршней жемчуга, протягивал диво иконам.

Нянюшка слезами умылась:

— Ванечка! Господин ты наш пригожий! Ангел! Поспеш, радость наша, к матушке, она, чай, уж заскучала без тебя.

Ваня на порожке запнулся, на иконы посмотрел: «Услышит ли Господь, ежели все русские люди милостыню подадут? Ежели все дети, коли они ангельского чина, попросят Иисуса Христа выволить православных из плена Орды?»

Прошел по двору, за ворота — и в церковь. На паперти сидели нищие. Семья погорельцев. Старуха, молодуха, малые дети. Детей было шестеро.

Никто руки не протянул, и Ваня даже обрадовался: у него ничего не было с собой.

Служба давно кончилась. Ваня подошел к иконе Спаса, поцеловал. Поцеловал икону Богородицы с Младенцем. Поцеловал образ Иоанна Милостивого: во имя святителя крещен. Заступник и водитель. Патриарх, побеждавший зло смирением.

Вышел Ваня из церкви, а старуха делит ломоть хлеба, чтоб всем деткам досталось.

Будто свечечку в сердце Ванином ангел его зажег. Снял однорядку, рубашку, снял чоботы, положил перед погорельцами и домой побежал.

Навстречу — нянюшка. Увидала дите голенькое, босое, а на дворе-то осень, — в ножки Ванечке повалилась:

— Что стряслось?

— Погорельцам милостыню подал.

Тут на крыльцо матушка вышла. Нянька Пелагея на коленях к ней поползла:

— Пощади, госпожа! На малое время оставила Ванечку. К тебе он пошел...

Ваня упорно глядел в землю.

— Я милостыню погорельцам подал.

Матушка обняла сыночка:

— За доброе сердце не казнят.

Да так и замерла. Повернул Ваня голову, а мимо церкви, через Язвищи — татары. Возы скрипят, и столько, знать, добра на них, что лень еще грабить.

Обмерло село. Очнулось, когда татары за околицей скрылись. Матушка подняла сына на руки, поцеловала в глазки.

— Не твоя ли, сынок, милостыня избавила нас, грешных, от неминуемой беды?

Тут дверца в воротах хлопнула, явилась пред очи госпожи погорелица, матушка шестерых дитятей. Рубашку и чоботы подает:

— Прости, боярыня! От изумленья опешили, не вернули сразу, а потом — баскак по селу шел.

— Откуда вы?

— Изба наша стояла возле Крестовоздвиженской церкви.

— Вот что, милая! Милостыню назад не берут, — строго сказала матушка. — От господина моего да от меня, от детей моих будет тебе сверх Ваниной милостыни воз хлеба и полтина денег на избу.

Тут все и расплакались. От милости матушки Марины, от чуда спасения, о котором и подумать не чаяли, от любви ко Господу Иисусу Христу, к Заступнице Богородице и по себе, сирым, но Богу-то угодным!

— Это не баскак нас миновал! — объяснил домохозяин Иван Григорьевич, был он спокоен, но лицом бел. — Это пожаловал в свое имение Кара-Мурза. Вот какого соседа обрели милостями великого князя Василия Васильевича. Беда от Москвы.

Замерло сердечко у Вани. От Орды — беда, от Москвы — беда, кто же даст покой их Язвищам?

Суд

Год прожили беспокойный, но прожили. На Преображение Господне Иван Григорьевич Санин давал суд своим мужикам и бабам. Погода хорошая, на крыльце поставили два стула: большой для господина, малый — его старшему сыну, семилетнему Ивану Ивановичу. Перед

началом суда нянюшки вывели к народу и трех младших Саниных. Последыша кормилица на руках держала.

— Детей моих ради, — обещал Иван Григорьевич, — судить буду по всей правде, а посему зла на меня и на детей моих не затаивать!

Для начала разобрал дело о наследстве братьев. Двое старших пахотную землю оставили за собой. Забрали четырех лошадей, полдюжины коров, стадо овечек и две избы, старую и новую. Третьяку досталось болото и четыре борозды пахоты. Дали ему телегу, сани, два хомута, а лошади не дали. Годовалую телку не пожалели, петуха с курами. Иван Григорьевич младшего брата спросил, четвертого:

— Что же ты помалкиваешь? Тебе досталась банька для жилья да коза. Справедлив ли такой дележ?

— Господин, — поклонился младший брат судье, — мне гусей еще дали, вожжи, узду, кафтан и сапоги! Коли станет немогогу, оденусь, обуюсь, взнуздаю гусей — куда-нибудь да отнесут.

Среди баб смешки пошли. Мужики — кто улыбается, а кто и насупился. Вот она, неправда! Но что государь скажет.

Государь думал. Долго думал, все насторожились. Вздохнул Иван Григорьевич.

— На первый взгляд дело явное. Но коли землю поделить поровну, вместо одного богатого будет у нас в Язвицах четыре нищих семейства. Годится ли такая правда в правды?

Бабы — охать, мужики — креститься.

— Вот мой суд, да простит меня Господь, коли правду попрад, — объявил Иван Григорьевич. — Землю поделить велю заново между старшими братьями. Но четвертая часть урожая с каждой половины пойдет на кормление младших братьев. Ты, Третьяк, мужик степенный, справедливый. Беру тебя в свою дворню, будешь за амбарами смотреть, будешь собирать мою

долю с мужиков. А ты, гусиный наездник, силой не обижен, умом, как погляжу, востер. Пойдешь в ученики к кузнецу. Так-то! — Повернулся к Ване. — Сын, согласен с отцом?

— Согласен, батюшка! — личико строгое, а в голосе слезы.

Положил отец руку на руку сына: чуткое сердечко. Бабы тоже слезы утирали: за их господ только Бога молить.

Следующее дело опять о наследстве. Поставили перед Иваном Григорьевичем двух невесток. Остался им от свекрови сундук. Сундук под замком, ключа не нашли, но невестки разодрались люто. Скалками друг дружку лупили.

— Что в сундуке лежит, знаете?

В один голос ответили:

— Не ведаем, господин!

— А скажите мне, скалкой прибить до смерти можно?

— Коли в висок попадет, смертушки не миновать! — сказали мужики.

У Ивана Григорьевича бровь круто вверх пошла.

— Вот вам, родственнички, мой указ. Отнесите сундук в Покровскую церковь, се будет ваш вклад. Каждой по сарафану да по овчинной шубе, от меня. И мера белой муки да круг масла. Блинов напеките себе и детишкам в удовольствие.

Третьими судились соседки. Баба прибила камнем курицу, забредшую в огород. В отмщенье обиженная ссекла серпом голову соседского гуся. Вилами друг другу грозилась.

Грозным стал добрый господин.

— Зло плодите! Чтоб поумнели, всех кур и всех гусей у шабр³ зарезать и устроить общие поминки по глупым распрям.

³ Шабры — соседи.

Тут все собравшиеся судиться отступили прочь в толпу. Впрямь поумнели. А Иван Григорьевич аж брови-те сдвинул:

— Отчего никто не просил суда за побоище в сельце нашем Спинове? А ведь там отец семейства жизни лишился, еще двое калеками стали: один без глаза, у другого рука сохнет.

— Грешны, государь! Уж такое вот приключилось! — Мужики крестились, в затылках чесали. — За пойменный луг схватились, колями-те все махали.

Поднялся Иван Григорьевич со стула, грянул аки гром:

— Чтоб в разум вошли, чтоб я из-за дури и злобы душ не лишался, а ваши дети — кормильцев, будет вам порка. Сначала мужики Спинова порют мужиков Язвищ, а потом мужики Язвищ порют мужиков Спинова. Для первого раза — будет вам лоза, по тридцати ударов. А ежели опять дело пойдет у вас к побоищу, идите сразу ко мне на двор, кнутом пороть друг друга. А с поймой так положим: год одни косят, другой год — другие. Для семьи же, кормильца лишившейся, будете всякий год и косить и пахать, пока дети не поднимутся.

Перекрестился и объявил:

— Как перепорете друг друга, приходите к общей трапезе великого праздника ради.

Взял Ваню за руку, оба поклонились народу, ушли в хоромы.

Гости из Новгорода Великого

Мягко стелет февраль. Ночью буран стены ломит, а поутру тишина, снег, как младенец. От белых полей света больше, чем от солнца.

Такое светоносное половодье, будто Русь не на земле — на небесах. Беззаботным людям да малым ребятам — весело, но мудрые призадумывались. Ночное

кипение снегов вещало им о потаенном борении добра и зла.

Наждали-таки несчастье! Галичский князь Дмитрий Шемяка с тверским да можайским князьями обманом, без приступа, взял Москву, нарек себя великим князем Дмитрием. Страшное свершилось дело. Все ж не детям Юрия Звенигородского, а сыну князя Василия Дмитриевича, Василию Васильевичу, подобало сидеть в Москве.

Разыгралась смута, князь Юрий искал правды в Орде, но московские подачки да посулы перемогли. Не преуспел, взял Москву силой, да только новый порядок наследования высшей власти был на Руси от Бога. Недолго обременял Великий стол князь Московский Юрий Иванович. Господа Иисуса Христа и он любил — строитель дивного Саввино-Сторожевского монастыря. Вот и призвал Всевышний раба Божия к себе. Наследникам образумиться бы! Но худое дело отца переняли сначала старший сын Василий Юрьевич, такой же неудачник, а ныне младший — Шемяка.

Молва не ведала, куда подевался великий князь Василий Васильевич. Колокола заупокойно не звонили. Стало быть, жив. А коли жив, не сегодня завтра жди войны.

Домашняя война злей татарского набега. Татарам лишь бы сливки снять, а свои в своей же кадучке и дно вышибут. Коли не мне пиво, пусть все в землю уйдет, без остатку!

Для Ивана Григорьевича Санина весть о перемене власти была горше сполошного колокола. Приказал лошадей держать запряженными. Где чего затеется, тотчас везти семью в скит, в глушь. От греха.

А грех — вот он!

Дошла до Волока Ламского новая черная весть: Московский князь Василий Васильевич пресветлый —

отныне Темный. И не великий он ныне. Шемяка захватил своего врага, когда тот был на богомолье в Троице, и ослепил его. В Углич увезли. Где же темному с Московским царством управиться?

В те дни в Язвицах по дороге в Москву остановились на ночлег приятели Ивана Григорьевича, четверо новгородцев. Ваня хоть и в малых летах, но сидел за столом. Наследник.

Новгородцы не жалели Василия Васильевича Темного.

— Поделом ему! — сказал самый величавый из гостей. — Зло долго отзывается. Катилось-катилось и аукнулось. Не Василий ли Васильевич десять лет тому назад ослепил двоюродного брата своего Василия Юрьевича, коего ныне Косым кличут?

— Что о них горевать! Пусть поскорее истребят друг друга. Наше время пришло! — розовощекий молодой новгородец пугал Ваню черными, без блеска, неподвижными глазами. Подождал, не скажет ли кто чего, и прибавил: — С Дмитрием Юрьевичем, с Шемякой, Господин Великий Новгород вернет свою славную волю. Натерпелись от Москвы.

Иван Григорьевич, глянув на сына, сказал осторожно:

— За Василия Темного — князя и бояре Патрикеевы, Ряполовские, Кошкины, Плещеевы, Морозовы и весь народ. Угличскому страдальцу верны Стрига-Оболенский да Федор Басёнок — воеводы из лучших на Русской земле.

— Велики заступники! Басёнок уже на цепи сидит. За Московского великого князя Дмитрия Юрьевича — Тверь, Рязань, могучий Новгород! — розовощекий мрачный новгородец насушился до того сурово, будто в битву шел.

— А за кого Иона, епископ Рязанский, митрополит названный? — не спросил — сказал Иван Григорьевич.

— Церковь почитает Москву. Ей тот хорош, кто сидит на столе великого князя! — величавый усмехнулся, но все задумались.

Двое других гостей были монахи.

— Что вы скажете об Одноуше? — спросил молчунов розовощекий.

Отвечал старец, говорил тихо, но его слушали.

— Одноуш — мирское прозвище Ионы. Владыка много претерпел в жизни. От людей, от князей, от Царьградского патриарха. Верно сказано: пуп земли для владыки — Москва.

— И слава Богу! — возрадовался величавый. — Пусть Москва, коли наша! Москве с Великим Новгородом ни в кои времена не сравниться. Наши купцы знамениты от Ганзы до Югорской земли, от норвегов до Царьграда, до Астрахани! Югорские соболя, Святого ледовитого моря моржовый зуб почитаются во всем белом свете новгородским красным товаром.

Иван Григорьевич, хоть и хозяин, не стал поддакивать гостю.

— Еретика Исидора-митрополита потому, знать, встречали у вас в Новгороде с великим почетом, что вез в Рим московскую пушнину и прочее — на двух стах возах!

У Вани сердечко сжалось: как бы ссоры не вышло. Монах-старец вздохнул сокрушенно:

— Се — правда истинная. Богатых Новгород любит. Но, чтя митрополита всея Руси, мы верили: владыка едет в Рим постоять за веру наших отцов. Веру во Христа Великий Новгород принял от апостола Андрея Первозванного ранее Царьграда. От нас апостол и пошел к грекам, а в те древние годы и самого Царьграда не было, стояла на его месте деревня Византий.

— Неча нам за дружеским столом поминать отступника! — погасил спор величавый гость.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Земляничные горы	5
Нашествие.	6
В скиту.	12
Жемчуг малой реки	14
Суд	17
Гости из Новгорода Великого.	20
Ответчик за грехи	25
Синие глаза Шемяки	26
Обошлось	30
Кому служить	33
Чтец.	36
Охота на лебедей.	39
Весть из Новгорода	42
Пострижение	46
Послушания	54
Черные вороны.	56
Экклесиарх	58
Утраты	61
Сокровище вечной жизни	67
Молитва радости.	70
Князь-ровесник	72
Апостольский улов	75
Новый храм	78
Монах Акакий	81
Князь Борис Волоцкий.	83
Страшное время	86
Вседержитель.	90
Батюшкина беседа.	92
Прозорливец	94
Новгородская ересь	96
Хвостатые звезды	100
Будни.	104
Поветрие страха	107
Царевна Софья.	111
Лекарство от коросты.	113
Рухнувшие стены	116
Муроль.	118
Суды и пиры	122

«Сущий союз разрешится

хочет».	124
Воля старца	127
Быстрые дни	130
Бегство игумена	132
Странствия	136
У Макария Калязинского.	139
Кириллова келия	142
Суета сует	147
Игумен-трудник	150
И снова странствия	151
Единый звон	153
Дивный чтец	154
Возвращение и уход.	156

КНИГА ВТОРАЯ

Князь Борис согласен.	161
Тайные пророчества	164
Громы на Волхове	169
Древо огненное.	172
Первые венцы храма	173
Великокняжеский произвол	176
Иван Грозный, руки длинные	178
Успенские соборы.	181
Житие обительское	183
Чужая казна.	187
Духовник Вассиан.	190
Дела наитайнейшие.	192
Иван и Софья.	195
Молитвы о Руси	197
Приготовление к войне.	203
В обители скорбят.	205
Дума	207
Небывалая на Руси гроза	212
Ненависть народа	215
В бегах	218
Послание Вассиана	220
На войну, друг от друга, бегом	222

Победа без крови.	224	Горести и радости	314
Вздых воли	226	Венчанный государь	319
Одигитрия.	229	Обличитель	321
Митрополит Геронтий	235	На Соре	324
Гнев на пользу государства	238	Нежданные грозы и милости.	326
Как Иван казну пополнял.	241	Не быть братьям в любви	329
Дионисий и его сыновья	243	Третий князь всея Руси	331
Заступники Правды.	247	Послание вельмож	334
Богатства обительские	249	Неделя ваий.	337
Скит на Соре	253	Царь и монах	339
Жизнь мирская.	258	Иоасаф на покое	343
Устав	264	Иосиф и Дионисий	345
Приращение Русской земли.	267	Дионисиево пение.	348
Борьба за истину.	271	Собор Симонов	351
Собор попустительный.	275	Угасание царствия.	357
Странное наказание.	278	Собор сокрушительный	359
Иосиф пишет царю	280	Словесная пряха	362
Год Страшного суда.	286	Князь Федор Борисович	366
Софья и Василий	291	Завещание Нила Сорского	369
Озарение.	295	Отлучение.	371
Столпы истины.	298	Доброе дело	375
Ночь, не ставшая последней	301	Происки	378
Пожар	304	Наша застава	383
Новый Волоцкий князь	309	Знамение	387

Бахревский Владислав Анатольевич
ПРЕПОДОБНЫЙ ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ
СУДЬБА И ВРЕМЯ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редактор *Б. Понкратов*
Художник *С. Головки*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *Т. Горячева*
Верстка *Ю. Рахманина*

Подписано в печать 06.09.2012
Формат 60×90 1/16. Объем 24,5 печ. л.
Печать офсетная. Тираж 5 000 экз.
Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви.
119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18.

Оптовый отдел реализации:
(499) 246-20-85, 246-52-08
Магазин на ул. Погодинская: (499) 245-30-68
Магазин на ул. Бакунинская: (499) 246-25-35
e-mail: books@rop.ru
<http://www.rop.ru>